

Адам Шогенцуков открывает в нем именно те черты, которые наиболее точно передают их сущность. Он выделяет те детали и подробности, которые озаряют не только сам предмет изображения, но и целую панораму, широкое поле действия. Именно этот внутренний переход, эта неуловимая связь единичного, частного с общим расширяет рамки повествования и даёт читателю художественно-эмоциональную остроту восприятия.

Повестями «Весна Софият», «Назову твоим именем» и другими произведениями Адама Шогенцукова кабардинская литература середины XX века стала одной из зрелых литератур, разрабатывающих сложные проблемы литератур, владеющих художественным богатством мировой литературы.

Библиографический список:

1. Витковская Л.В. Когнитивный потенциал межкультурного полилога // Мир русского слова. 2004, № 1, С. 135-140.
2. Витковская Л.В. Когниция и образ автора в интерпретации смысла. Литературоведение XXI века. М., 2016.
3. Гоффеншефер В. Об Адаме Шогенцукове и его повести // Адам Шогенцуков. Весна Софият. М., 1961.
4. Кожин В. Происхождение романа. М., 1963.
5. Либединский Ю. Дочь советской Кабарды // Литературная газета. 1955, 25 июня.
6. Мальбах Э. Творчество Адама Шогенцукова // Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик, 1968.
7. Шогенцуков Ад. Большая тема // Дружба народов. 1955, №2.
8. Шогенцукова Н. Шогенцуков Адам Огурлиевич // Писатели Кабардино-Балкарии., XIX – конец 80-х г.г. XX в. Нальчик, 2003.
9. Хараева Л., Кучукова З. Гендерная картина мира в повести Адама Шогенцукова «Назову твоим именем» // «Из сердца извлекаю звуки». Нальчик, 2016.

Соронкулов Г.У.
(Бишкек)

"... В ГОРАХ КАВКАЗА СУДЬБА СОЕДИНИЛА НАС"

(А.С. Пушкин и персидский поэт Фазиль-хан)

В современном мире развитие межкультурной коммуникации как одного из действенных средств обеспечения глобальной стабильности немислимо без серьёзной научно-исследовательской работы, охватывающей все стороны жизнедеятельности людей различных цивилизационных типов. В этом смысле сложно переоценить плодотворную деятельность Пятигорского государственного университета, многие годы успешно реализующего проект «Мир через языки, образование, культуру». Одной из ключевых задач в этой сфере, безусловно, является глубокое и всестороннее изучение культурного наследия народов, соседствующих на Евразийском пространстве. Исследования в этом направлении таких учёных, как Л.В.Витковская [3], В.И. Шульженко [13], Т.Д. Савченко [7; 8], В.В. Переяшкин [12], Е.В. Динейкина [4] и др. хорошо известны в среде литературоведов, культурологов, лингвистов и философов. Полагаю, что приоритетным вектором в этой работе должна быть филология.

Ярким примером многоголосой русской литературы является творчество А. С. Пушкина, в котором особое место занимает восточная тема. В этой связи хотелось бы обратить внимание на его «Путешествие в Арзрум» – блестящий образец русской ориентальной травелистики, уходящей своими корнями ещё в средневековое прошлое («Сказание о Вавилонском царстве», «Хождение игумена Даниила», «О Борме-Ярыжке», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина» и др.). Накануне своего

тридцатилетия у А.С. Пушкина, направлявшегося на Кавказ в действующую армию, произошла памятная встреча с персидским поэтом Фазиль-ханом. Эта встреча, как и многие другие в жизни русского поэта, не осталась рядовым впечатлением. Гений Пушкина заключался и в том, что из каждого, даже кратковременного общения, он, говоря современным языком, умел извлекать массу информации, делал выводы, откликался поэтическими работами. Материализованным результатом встречи, о которой мы ведем речь, явились два неоконченных стихотворения, полстраницы прозаического текста в "Путешествии в Арзрум" и несколько рисунков Пушкина. Но эта встреча имела для русского поэта еще и духовно-концептуальное значение. Она стала для Пушкина в определенной мере "уроком региональному этноцентризму <Точнее - европоцентризму (Г.С.)> он думал поначалу, что ему надо будет опускаться в общении с Фазиль-ханом. – Г.С.>, а в действительности пришлось даже подняться" [9: 4].

Одна из главных сквозных проблем "Путешествия в Арзрум", как утверждает Л.А. Шейман, – "Европа и Азия, Россия и народы Востока, русский европеец и его отношение к восточной культуре, к восточному укладу жизни и образу мыслей, к "восточному человеку

Эта мысль неотступно занимает поэта. Каждая новая из многочисленных дорожных встреч с людьми Востока во время поездки 1829 года и позже, весьма тесное общение в период Арзрумской кампании с "беками мусульманских полков" российской армии (Фараджула-Бек, Фаргат-Бек и др.), каждодневные дружеские беседы с поэтами-просветителями восточного происхождения (Аббас Кули Ага Бакиханов, князь Мадатов) давали массу новых впечатлений, требовали выхода.

Описание Пушкиным случайной дорожной встречи с персидским придворным поэтом было достаточно пространно рассмотрено Л.А. Шейманом с точки зрения ее художественно-смысловой роли в "Путешествии в Арзрум" [11: 153-156]. Эта же встреча нами будет рассмотрена в настоящей статье как повод для создания автором "Путешествия ..." двух стихотворных набросков, обращенных к персидскому поэту. Напомним, как рассказывает о ней Пушкин в первой главе своих кавказских "путевых картин": "... Конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня Фазил-Хану. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостию порядочного человека! «Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч.». Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям".

Данный эпизод занимает особое место в «путевых картинах» кавказского путешествия Пушкина, а также в движении его художественно-культурологических размышлений о взаимосоприкосновении Востока и Запада.

Непосредственные эмоции, охватывающие читателя при знакомстве с этими пушкинскими строками, очень живо передаёт осетинский исследователь «Путешествия в Арзрум» Г.И. Кусов:

«Какое душевное признание, какие простые человеческие слова, в которых так ярко виден Пушкин-гуманист, с таким уважением относящийся к представителю другой национальности!» [5: 151].

Однако не сразу и не очень легко появились эти замечательные пушкинские строки. Как справедливо отмечает Л.А. Шейман, некоторое время Пушкин, видимо, переживал острый психологический шок от допущенной им неловкости в межличностном общении с гостем из Персии [11: 155].

В первом варианте эпизода о встрече с Фазиль-ханом, написанном, по утверждению исследовательницы кавказских рукописей поэта Я.Л. Левкович, ориентировочно – между 19 июля и началом августа 1829 года, т.е. два месяца спустя после встречи [6: 23], Пушкин объяснял свою неловкость единственно своим характером. Он пишет, что начал своё высокопарное восточное приветствие «отчасти увлеченный *врожденной* насмешливостью». Свой тон он называет «*полушутливым*». А заключительное поучение оказывается адресованным только самому себе как неуместному насмешнику: «Это был *мне* урок...» [6: 25].

Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы не использовал и здесь *эвристический* подход. Неуместность тона, принятого сначала русским поэтом, в окончательно переработанном тексте резко подчеркнута «обновленным эпитетом, выдающим поверхностно-ироническое представление европейца о якобы типичном восточном стиле: «*полушутливый тон*» превратился в «*важно-шутливый*». А индивидуальная «*врожденная насмешливость*» стала «*нашей русской насмешливостью*», т.е. чертой этнокультурной, а точнее, в контексте всего эпизода, регионально-культурной ограниченности: «...Принужден был <...> съехать на *обыкновенные европейские фразы*». И заключительный урок оказался преподанным именно этой ограниченности: «Вот урок *нашей* русской насмешливости» [11: 155].

Эпизоду встречи с Фазиль-ханом Пушкин придавал особое значение. Именно этим можно объяснить поисковую работу поэта в плане углубления его концептуального содержания. Описание этой дорожной встречи стало своего рода камертоном для художественной интерпретации Пушкиным темы «Восток – Запад» в этом произведении.

В словах русского поэта о встрече с персидским собратом по перу звучит не только самоирония человека, невольно допустившего неловкость в межличностном общении, которое оказалось также общением межкультурным, но и, пожалуй, в какой-то мере, удовлетворенное самосознание. Он удостоверился в том, что его имя и творчество знакомы не только россиянам и европейцам Запада, но и представителям иностранного восточного государства.

Содержание приведенного выше рассказа Пушкина о памятной дорожной встрече на Кавказе, на наш взгляд, свидетельствует о том, что основная часть краткого обмена любезностями с персидским гостем, кроме «высокопарного восточного приветствия», начатого было с помощью переводчика русским поэтом, по инициативе Фазиль-хана прошла, вероятно, на русском (а может быть, и на французском!?) языке. На предположение о русскоязычном их общении наталкивают нас, во-первых, учёт того факта, что Фазиль-хану были известны имя и творчество Пушкина («...Надеялся увидеть меня в Петербурге...»); во-вторых, высказываемое, а позже и претворённое им в жизнь (в 1838 году) желание жить в России. О франкоязычном общении двух поэтов могут свидетельствовать слова «простая, умная учтивость *порядочного* человека» (подчеркнуто нами. – Г.С.) и «европейские фразы». В «Словаре языка Пушкина» зафиксировано, что слово «*порядочный*» в этом предложении употреблено автором в значении «принадлежащий к хорошему обществу», «благовоспитанный» [9: 564-565]. А принадлежность к «хорошему обществу» в те времена предполагала обязательное знание иностранных языков и, в первую очередь, французского. Кроме того, будет уместным здесь напомнить и о том, что Фазиль-хан, согласно своим служебным обязанностям, был воспитателем детей наследника персидского престола, исполняя обязанности, по существу аналогичные тем, какие исполнял и В.А. Жуковский при дворе русского царя. Понятно, что такую ответственную и почетную должность мог занять только человек неординарный и весьма образованный. Кстати, отметим здесь, что поэтический псевдоним – имя *Фазиль* – в переводе с фарси обозначает «образованный», «ученый». После встречи с Фазиль-ханом Пушкин написал несколько поэтических строк:

Благословен и день и час,
Когда в горах Кавказа
Судьба соединила нас
25 мая, Коби.

(Другие редакции и варианты // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. с. 729-730).

Однако далее стихи, что называется, не пошли. По справедливому предположению Д.И. Белкина, «начатый вариант о встрече не удовлетворил поэта. Пушкин стремился подчеркнуть в стихотворении то, что увидел за фактом путешествия в Россию иранского стихотворца: важность мировосприятия, не стесненного национальными предрассудками, не ограниченного ими, а способного широко охватить и оценить событие ...» [5: 182-183].

Но стихи получались не о персидском поэте и связанных с ним событиях, а больше о провидении, которое в канун дня рождения подарило имениннику эту встречу с собратом по поэтическому вдохновению. Пушкин, как нам представляется, ощущает явную нехватку информации об адресате; у него, как будто, еще нет фактов, которые можно было бы поэтически интерпретировать. Он думает об этой встрече, о Востоке, о его людях. На листках появляются рисунки: автопортрет в персидской шапке (папахе); пейзаж Северного Кавказа с фигурами горцев; портрет Грибоедова.

Библиографический список

1. Алимуратов О.А., Витковская Л.В., Шульженко В.И. Кавказ в жизни и творчестве М. Булгакова: взгляд из XXI века // Вестник ПГЛУ. №1, 2012. С. 223-227.
2. Белкин Д.И. Встреча Пушкина с персидским стихотворцем Фазыл-ханом Шаида // Лит. связи и традиции. Межвуз. сб. Вып.4. Горький: Горьковский гос. ун-т, 1974.
3. Витковская Л.В., Казиева А.М. Идеи евразийства в поликультурном измерении // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2015. № 1 (14). С. 239-241.
4. Динейкина Е.В., Джаниев Р.О. Социальные аспекты духовно-нравственного воспитания на Северном Кавказе // Университетские чтения – 2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. 2016. С. 20-24.
5. Кусов Г.И. Малоизвестные страницы кавказского путешествия А.С. Пушкина. Изд. 2-е, доп. Орджоникидзе: Ир, 1987.
6. Левкович Я.Л. Путевой дневник Пушкина. Пушкин. Исследования и материалы. N. XI. Л.: Наука, 1983.
7. Савченко Т.Д. Кавказский путешественник в пространственно-временной парадигме современного травелога // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2013. № 1 (12). С. 124-131.
8. Савченко Т.Д. Путешествие на Кавказ в жанровом и историко-культурном освещении // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 4. С. 48-49.
9. Словарь языка Пушкина. Т. 3. М.: ГИИНС, 1959.
10. Таранова Э.А. Пушкин: «Не судить о человеке по его бараньей папахе». Слово Кыргызстана, 1997, 14-15 марта, № 35-36.
11. Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. «Пушкин и его современники: Восток–Запад»: Очерки / Под. общ. ред. Л.А. Шеймана. Бишкек, 2000.
12. Переяшкин В.В. Особенности художественной конкретизации в южном тексте // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. Сб. науч. трудов. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. Выпуск XXI. С.102-105.
13. Шульженко В.И. Русская культура на Северном Кавказе: взгляд изнутри // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. № 1. 2012. С.90-94.